

Список літератури:

1. Проект «Цифрова адженда України – 2020» [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://bit.ly/2htIdTw>.
2. Окландер М. Специфічні відмінності цифрового маркетингу від інтернет-маркетингу / М. Окландер, О. Романенко // Економічний вісник НТУУ «КПІ». – 2015. – Вип. 12. – С. 362–371.
3. Цифрова економіка – це реально [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://chp.com.ua/all-news/item/48511-tsifrova-ekonomika-tse-realno>.
4. Пивоваров Ю. Навіщо Україні цифрова економіка / Ю. Пивоваров // Новий час. – 2017. – 28 квітня. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.nv.ua/ukr/opinion/pivovarov_j/navishcho-ukrajini-tsifrova-ekonomika-10_53336.html.
5. Астаф'єв А. Питання розвитку цифрової культури українського соціуму : аналіт. зап. / А. Астаф'єв [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.niss.gov.ua/articles/1631>.
6. Риженко О. Навіщо Україні цифрова економіка / О. Риженко [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://nachasi.com/2017/07/12/digital-by-default-ukr>.
7. Електронне здоров'я – що варто знати про реформу e-health в Україні [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://nachasi.com/2017/06/27/e-health-faq>.
8. Німеччина та Китай активізують співпрацю в сфері «промисловість 4.0» [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.dw.com/uk/-40/a-18582694>.
9. Китай інвестує в розумну економіку на базі штучного інтелекту [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.shepetivka.org.ua>.
10. Данченко О. Україні варто взяти на озброєння досвід Британії щодо впровадження цифрової економіки / О. Данченко [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://apostrophe.ua/ua/news/economy/2017-02-01/ukraine-nujno-vzyat-na-voogucjenie-opyit-britanii-ro-vnedreniyu-tsifrovoy-ekonomiki---danchenko/85328>.
11. Мініч О. Дорожня карта цифрової економіки. Як найкраще адаптувати європейський досвід / О. Мініч // Європейська правда. – 2016. – 12 жовтня. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.eurointegration.com.ua/experts/2016/10/12/7055753>.
12. Кубів С. Як Україні здійснити цифровий стрибок / С. Кубів // Новий час. – 2017. – 27 квітня. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://nv.ua/ukr/opinion/kubiv/jak-zrobiti-tsifrovij-stribok-dlja-ukrajinskoji-ekonomi-ki-1051272.html>.

УДК 331.105.6:35

Шедяков В.Е., к.э.н., д.с.н., доцент,
независимый исследователь (Киев)

ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСТСОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Шедяков В.Е. Ценность жизни и возможность творчества как характеристики постсовременных общественных изменений. Статья продолжает подведение итогов в анализе места и особенностей экономических факторов обеспечения позитивных социально-политических динамик в обществе. Исследовательские акценты переносятся на возможности поведенческой экономики, рефлексивного управления, государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: сущностные силы, производство, отчуждение, творчество, поведенческая экономика, рефлексивное управление, реформы.

Шедяков В.Є. Цінність життя і можливість творчості як характеристики постсучасних суспільних змін. Стаття продовжує підбиття підсумків в аналізі місця та особливостей економічних чинників забезпечення позитивних соціально-політичних динамік в суспільстві. Дослідницькі акценти переносяться на можливості поведінкової економіки, рефлексивного управління, державно-приватного партнерства.

Ключові слова: сутнісні сили, виробництво, відчуження, творчість, поведінкова економіка, рефлексивне управління, реформи.

Shedyakov V.E. The value of life and the possibility of creativity as characteristics of post-modern social changes. The article continues summarizing the analysis of the place and features of economic factors ensuring positive socio-political dynamics in society. Research emphasis is shifted to the capabilities of the behavioral economy, reflexive management, public-private partnership.

Key words: essential forces, production, alienation, creativity, behavioral economics, reflexive management, reforms.

Постановка проблеми. Состояние и динамика структуры совокупной рабочей силы всегда были важнейшей характеристикой политико-экономических преобразований. В постсовременном обществе и хозяйствовании этого недостаточно; требуется гораздо более широкий диапазон возможностей реа-

лизации своих прав, развития и претворения каждым своих общественно полезных дарований [1–5]. Соответствующие прогрессивным социально-политическим трансформациям общественно значимые перемены в экономической жизни активно фиксируются экономической психологией и поведенческой экономикой.

Анализ последних исследований и публикаций. Накоплен обширный теоретико-практический арсенал использования политико-экономических средств и организационно-управленческих инноваций для очеловечивания условий жизнедеятельности, в частности в исследованиях А. Агга, М. Альберта, А. Аткинсона, Г. Беккера, П. Вейла, Х. Верхана, Т. Винштейна, И. Витаньи, Ф. Воула, В. Грейдера, Дж. Гэлбрейта, П. Гэмбла, П. Диксона, Э. Денисона, Д.М. Кейнса, Ф. Листа, К. Макконелла, К. Маркса, Г. Маркузе, У. Мерса, И. Месзароса, Ф. Мечлупа, В. Ойкена, Б. Оллмана, Р. Оуэна, А. Охрименко, М. Паренти, К. Поппера, Дж. Рифкина, Дж. Ролза, Дж. Симмонса, Д. Стиглица, Т.А. Стюарта, Р. Талера, А. Томпсона, У. Фарра, В.Дж. Хадсона, Ф.А. Хайека, Дж. Харрингтона, Т. Шульца. Рассмотрение фундаментальных и актуальных вопросов развития совокупного человеческого (субъективного) фактора производства успешно осуществляли Е. Атаева, Л. Абалкин, В. Автономов, Т. Алексева, Т. Базаров, О. Белокрылова, Ю. Балашов, Р. Белосов, В. Близнюк, И. Богомолова, Л. Бородин, А. Бузгалин, И. Булочникова, В. Булатов, Н. Верхоглядова, В. Веснин, М. Вилисов, Э. Вильховниченко, В. Виноградов, Н. Волгин, Р. Галлямова, Л. Гатовский, Дж. Гвишиани, Н. Гвоздева, И. Геевский, В. Геец, В. Гойло, Я. Гордон, С. Григорьев, Р. Гринберг, Е. Гришнова, В. Давыденко, М. Делягин, Р. Доров, В. Ельмеев, В. Ешина, Б. Жарков, Т. Заславская, Б. Злобин, О. Иншаков, В. Кабашкин, Р. Капелюшников, М. Клинова, В. Ковалев, Л. Козарезенко, А. Колганов, Л. Конарева, Н. Крашенинникова, Е. Крыхтин, Н. Лебедева, Т. Левитт, Э. Либанова, В. Логвиненко, Л. Лыско, В. Маслова, В. Мау, В. Мальцев, К. Маркарян, В. Марцинкевич, Л. Мельник, Д. Мещеряков, В. Немченко, А. Никифорова, К. Носкова, Р. Нуреев, Ю. Осипов, Т. Панасенкова, В. Панишев, В. Павленков, С. Перегудов, З. Пересада, С. Платонов, И. Петрова, Н. Полякова, Н. Римашевская, Н. Рогань, А. Рубан, Р. Рывкина, Т. Сабецкая, И. Соболева, Е. Суименко, В. Толочин, В. Усенин, Н. Ушенко, С. Хохлявин, С. Червоная, В. Черковец, А. Чухно, В. Шалаев, Ф. Шамхалов, И. Щербина, П. Янкевич, Т. Ярошевский, Е. Ясин и другие исследователи.

Постановка задания. Подъем интереса к явлению происходит в связи с усилением в глобальном масштабе тенденций по приобретению общеструктурирующей роли общества знаний, превращением мускульно-энергетических функций в удел автоматов, акцентирующих творческое использование

сугубо личностной одаренности сотрудников для поддержания конкурентоспособности отдельных производств и всей экономики. Стимулирование же использование способностей персонала требует усиления гуманизации социально-экономических отношений как направления интеллектуализации общественного воспроизводства. Невиданно возрастает ценность человеческой жизни (в частности, состояние и динамика корзины социальных, экономических, политических, экологических прав и свобод, доступность медицины, искусства и образования, длительность и качество жизни, недопущения бедности и безработицы в стране, улучшения условий труда и повышения доли инвестиций в предприятия передовых технологических укладов, особенно отраслей НТП). Таким образом, в качестве распределения сущностных сил каждого, с одной стороны, отражаются новые рубежи социализации/аккультурации и индивидуализации, с другой же – отнюдь не какие-либо формальные конструкты, а качество жизни и возможности творчества предопределяют прогресс страны, новые же горизонты развития открываются тем государствам, в которых общественное устройство максимально способствует реализации творческого потенциала населения [6–11]. Достижение устойчивых благоприятных социально-демографических, политико-экономических и производственно-эргономических динамик становится как неотъемлемой чертой обеспечения передового общественного уклада, так и важнейшим критерием оценки трансформаций. На этом фоне основная задача текста заключается в характеристике итогов исследования изменения места и возможностей человека как субъекта производства в осуществлении целостных общественных изменений. В рамках достижения этой цели особое внимание уделено повышению ценности жизни и творчества как неотъемлемого условия не только повышения конкурентоспособности, но и проведения гораздо более значимых подвижек.

Изложение основных результатов. История сформировала два мощных приоритета общественного развития и критерия прогресса. Во-первых, жизнь человека, ее качество и продолжительность. Во-вторых, достижения цивилизации, овеянные творчеством в результатах материального и духовного производства, совокупное социальное наследие. В этом контексте вспышки этноцентризма, трайбализма и сопряженные с ними попытки добиться господства клановых интересов, перенесения тяжести трансформаций на наиболее экономически уязвимые слои населения – важнейшие признаки непрофессионализма и доминирования личного и группового эгоизма над коренными общественными интересами. Государство, правительство действительны, если могут обеспечить неуклонный рост благополучия и комфорта каждого, предоставить средства для развития личности. И уж

совсем недопустимы произвол и насилие групп/кланов, желающих использовать общественное богатство в узкокорыстных целях, попытки вовсе не альтруистов принятия на себя прав государственных структур (в частности, судебной ветви власти), игнорирование демократических (в частности, нормативно-процессуальных) процедур. В этом контексте ренессанс общественных движений в поддержку положения человека, его прав и свобод, качества и длительности жизни – естественная защитная реакция социума, необходимая для его самозащиты и развития, в частности в формах, предоставляемых организационно-управленческим уровнем государственно-частного партнерства. Сегодня для каждого культурно-цивилизационного мира актуализируется вопрос понимания, участия и применения моделей защиты и развития своего общественного богатства, присущих глобальным тенденциям постсовременных трансформаций. Все активнее заявляет о себе процесс изменений, предусматривающих сосуществование, пересечение и резонирование различных тенденций развития, среди которых (в отличие от модерна) ни одна не может претендовать на исключительное значение, что позволило бы, не испытывая вреда, абстрагироваться от других. В этом контексте и понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие ценности, как солидарность, свобода выбора, терпимость. Вместе с тем практически повсеместная победа риторики и форм демократии/народовластия отнюдь не всегда означает реальность соответствующих механизмов и приоритетов. Так, с одной стороны, никакая (властвующая или же оппонирующая и идущая к власти) элита не является абсолютно обособленной группой демиургов, собственно, события столетней давности еще раз напоминают об этом. С другой стороны, элита зачастую пытается настолько активно отделиться от народа, а именно вести иной образ жизни, учить своих детей, питаться, отдыхать и проживать отдельно от тружеников, что порой реактуализируется классическая концепция «двух наций». Природа рефлексивного управления процессами общественной жизни требует внимания и учета качеств не только объективной, но и субъективной составляющей исторического процесса, в частности деятельных участников достижения целей и колеблющихся, актива и пассива происходящего, союзников и противников, их структурной и функциональной определенности, превращенных (преобразованных) форм их соучастия в трансформационных процессах. При этом многое зависит как от соотношения приоритетов, так и от системы стимулирования их достижения. Тем самым оптимальное развитие социально-политических процессов предполагает культивирование государством вызревания как самой общественной среды, так и экономических кластеров будущего как звеньев цепи, потянув за

которые, можно изменить вытащить всю цепь общественного организма.

Исторический масштаб глобальных трансформаций повышает необходимость адекватного мифологического оформления, причем как в кросс-культурной составляющей, так и применительно к устойчивым ценностно-смысловым комплексам каждого из культурно-цивилизационных миров. Это требует обновления не только собственно информационной инфраструктуры, но и всей целостности общественного уклада, что ориентирует на поддержку государством, обществом и бизнесом формирующихся точек перспективных перемен и обеспечение стимулирующей благотворные перемены социально-политической и социокультурной среды жизни и общественно полезного творчества каждого. При этом совокупная общественная эффективность и хозяйственная конкурентоспособность в постсовременных условиях обеспечиваются развитием и реализацией творчества личности и персонализацией деятельности, а отнюдь не нивелированием людей и усреднением функций. Трансформации способа производства, научно-технической и социально-экономической сторон прогресса человечества привели к кардинальному росту роли человеческого и социального факторов жизни общества. При всех нынешних и будущих средствах социоэкономического прогресса главным остается человеческий фактор преобразований. Именно его состояние и активизация в конечном счете определяют и роль любого государства, и его институты на международной арене. Развитие социальных сетей базируется на устойчивом развитии составляющих измерений: технико-технологического, социально-экономического, ценностно-культурного. Постинформационный продуктивный капитал формируется вокруг творческих возможностей и интеллектуального потенциала человека, их организации и использования. Системный мировой экономический кризис начала XXI века – проявление общего кризиса доминантной формы индустриализма, однако его преодоление неизбежно требует учета постиндустриальных перспектив экономики знания, а также диапазона ее возможностей в развитии и активизации человеческого фактора. Причем в балансе возможностей и опасностей, которые актуализируются в ассоциации с Евросоюзом, одно из важнейших преимуществ связано с адаптацией мирового опыта и использованием социально зрелых форм производственной демократии, форматированием адекватных управленческо-организационных отношений (в частности, в трудовой сфере). Тенденции к развитию в глобальном масштабе экономики знаний требуют непрерывности процесса подготовки и переподготовки так называемого когнитариата и обеспечения его соответствующей мотивированности. Перенос на уровень автоматов мускульных и энергетических функций повышает

ценность собственно творческого потенциала человека. Таким образом, исподволь готовится основание для качественного изменения восприятия уровня средства и цели.

Оснащенный и организованный человек, включенный в отношения кооперации и конкуренции, становится ведущей производительной силой общества. Разделение труда ведет как к снижению индивидуальной целостности человека, так и к развитию его родового содержания. Какие качества индивидов востребуются обществом, с какими жизненными ценностями ориентациями они взаимоотносятся друг с другом, каков диапазон разнообразия индивидуальных различий – все эти вопросы составляют важнейшие характеристики социума и социальных условий, их состояния и динамики. Как собственное тело человека, так и его бытие для других людей формируют особость соотношения социального партнерства/кооперации и конкуренции/сопоставительности. Потребность в социальности – ось социальных потребностей. Чувство собственного достоинства – основа продуктивного социокультурного поля. Развитие культурно-цивилизационных миров прежде всего характеризуется количественным и качественным приращением двух параметров: слоя материальной и духовной культуры, а также человеческой жизни. И то, и другое непосредственно связаны с осмысленностью жизнедеятельности и динамикой сущностных сил. Соответственно, настоящая основа экономической науки – не характеристика безличностно-отчужденного товарно-денежного механизма, а теория поведения свободного, творческого, самодеятельного человека, отражаемая, в частности, не только политической экономией, но и экономической психологией и поведенческой экономикой. Вместе с тем фиксируемые нравственно-этическими основаниями поведенческой экономики параметры формируют взаимное доверие контрагентов воспроизводства, а для продуктивности интеллектуально-инновационного хозяйствования необходимо культивирование общественной среды, поддерживающей чувства самооценности, собственного достоинства и профессиональной гордости, уверенность в завтрашнем дне, интерес к существованию трудотворчества, жажду самосовершенствования.

Единство кругооборота и оборота, подтверждаемое в обращении, обеспечивается созидательным качеством общественных отношений [12–15]. Вместе с тем значение субъектных отношений – объективных и массовидных, но реализующихся, проходя через сознание (в частности, участников производственного процесса и хозяйственной жизни), – нарастает столь значимо, что заставляет формировать представления о рефлексивной постсовременной модернизации, а также выносит в число решающих факторов трансформаций рефлексивное управление. Кроме того, результаты перемен в значительной степени зависят от реальных (а не только деклариру-

емых) приоритетов и их соответствия логике истории и ожиданиям населения, его экономическому поведению. Соотношение рационального – иррационального, материального – духовного (идеального) значимо сдвигается мощным вторжением виртуальных измерений жизнедеятельности общества. При этом, с одной стороны, последствием «информационного взрыва» становится не только половодье разнокачественной, разносмысловой (и, стало быть, предельно противоречивой) информации, но и утрата доверия к ней. С другой стороны, выбирая и маркируя как «правдивое», «достоверное», потребитель информации сравнивает ее потоки с расцениваемым как «нормативное», «комфортное», «удобное» в его глазах, отмечая неуютные факты.

Как развитие производственной демократии/народовластия, так и кардинальное усложнение материально-технической базы воспроизводства требуют содержательного и функционального изменения социального пространства экономики, всей общественной среды ойкумены. В условиях же инверсионного развития (если не гражданское общество создает государство, а государство обеспечивает функционирование гражданского общества) развитая и структурированная общественность предполагает достижение определенного экономического уровня. Постсовременное взаимодействие признаков постиндустриальности и постглобализма не только восстанавливает уже во всемирном масштабе эффект агоры, но и усиливает искус манипулятивного достижения результата и обеспечения трансформаций, расцениваемых как выгодные. Внутренние же ценности и глубоко индивидуальные смыслы, подходы и взгляды численно небольших групп не только приобретают звучание на макроуровнях, но и агрессивно навязываются всем. Между тем объективируется социальная потребность в запрете на насильственное манипулирование инновациями даже аутсайдерского типа, на разрушение даже контркультурных логик: новая эпоха создает свои культурные миры, где есть место всем, если нет посягательств на права прочих. Предиктором же в точке бифуркации может оказаться и очень слабое управленческое воздействие в ключевой для общества точке.

Качество рефлексивного управления тесно связано с доминантными формами рациональности/иррациональности освоения окружающего мира. Если душевное/духовное здоровье общества предполагает высокое напряжение его сил в осуществлении Сверхпроекта развития, позволяющее поддерживать тонус общественной идеологии и психологии, то упадок нравственности способствует развитию разнообразного шарлатанства, подрывающего базовые ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационного мира. Так, ценностный аспект стимулирования необходимых социальных трансформаций и человеческих поступков является одним из

наиболее значимых по своим последствиям. Вместе с тем наиболее продуктивным становится осуществление воздействия на основе ценностно-смысловых комплексов. С одной стороны, рост значимости образования, науки и культуры среди ценностных иерархий влечет за собой ускорение общественного развития, а подъем общества приводит к повышению ценности образования; с другой стороны, увеличение структурирующего международные хозяйственные отношения влияния закономерностей формирования экономики знания само по себе усиливает потребность в интеллектуальной деятельности и регулярном возобновлении научно-методологической базы, более полного развития и реализации творческих дарований. При этом эффективность функционирования общественных целостностей зависит от сбалансированности всех звеньев и их своевременности, а также ритмичности взаимодействия. А структура управляемого объекта в каждой общественной целостности требует соответствия структуры управления им. Вместе с тем идеи рефлексивного контроля позволяют свое применение в направлении манипулирования сознанием со стороны внешних отчуждающих человека сил. Одновременно сегодня информационное воздействие выступает и ведущим направлением проведения направленных изменений, и главным фактором суммарной/итоговой конкурентоспособности. Вместе с тем подчас инверсионные явления неклассической трансформации позволяют более полно использовать имеющиеся превращенные (преобразованные) социально-экономические формы в процессе рефлексивного управления. Наличие большего количества управляемых процессов приводит как к необходимости их иерархической организации (то есть к воссозданию подхода иерархичности структур наряду с построением сетевым, матричным и проч.), так и к развитию бесструктурного командного регулирования [16–21].

Безусловная предпосылка долговременной прочности реформ – создание единой структуры государственного управления и местного самоуправления, опирающейся на традиции как державного, так и домашнего быта, при этом способной к эффективному социальному новаторству. Только это может защитить выбор новой генеральной модели развития. Причем в момент сдвигов парадигмального уровня при приближении к состоянию институциональной неопределенности приходится не столько руководствоваться привычными регуляторными правилами, сколько ориентироваться, с одной стороны, на ценностно-смысловые комплексы своего культурно-цивилизационного мира (которые, реализуясь в формах традиций, обычаев, укладов и обеспечивают как воспроизводство и развитие экономики и общества в целом, так и общественно полезные формы развертывания и реализации творческих возможностей каждого), с другой же сто-

роны, на общую логику исторического процесса и конкретные особенности: свои, своего положения и своих целей.

Вместе с тем опредмечивание сущностных сил человека в материально-технической базе при доминировании в воспроизводственном процессе внешнего характера выделяемой для реализации части человеческого потенциала происходит в соответствии с закономерностями отчуждения и реализуется случайно и принудительно. Целостность человеческого существования обеспечивается как единством сторон жизнедеятельности, так и отражением в ней сущностного содержания своего рода. Функционирование товара «рабочая сила» в виде человеческого фактора воспроизводства обеспечивает живой труд. Так отражается в экономически организованном обществе атрибутивное свойство человека осуществлять производственную деятельность с помощью орудий труда. Системообразующие отношения труда, собственности и управления формируют человеческий фактор воспроизводства. Человеческий фактор, товар «рабочая сила», живой труд представляют собой различные формы реализации конфигурации способностей человека. Развертывание сущностных сил и одаренности работника может формировать иные производственные конфигурации, нежели состояние рабочих мест и производственных мощностей. Соответственно, отличие человеческого потенциала от возможностей его действительного развития и реализации – важная причина неудовлетворенности и протестных настроений. Со временем ведущим измерением эффективности исподволь оказываются творческие способности. Соответственно, организация общественного обмена способностями, поддержание баланса между мерами труда и потребления входят в число важнейших задач государства. Состояние и динамика трудоспособного населения являются характеристикой курса и организационно-управленческого уровня государственно-частного партнерства [22–28].

Нынешние трансформации связаны как с необходимостью самоограничения цивилизации, чье техногенное давление на окружающую среду и внутренний мир человека грозит катастрофой планетарного масштаба, так и с созданием материально-технической базы, потенциально достаточной для удовлетворения базовых потребностей человечества. Для стабильности общественной поддержки трансформаций и создания в их процессе условий долгосрочного социально-экономического развития на основе реализации постглобальных эндогенных моделей, имманентных возможностям «умного общества» необходимы не только крупномасштабный маневр ресурсными базами и государственная поддержка «точек роста», в частности инновационных кластеров шестого-седьмого технологического уклада, но и формирование стимулирующей созидательный вектор перемен социокультурной среды, в

частности комплексное укрепление мотивации раз-
вертывания и реализации творческого потенциала
человека, а также обеспечение привлекательных
условий жизни. Прежде всего это ориентирует на
применение механизмов совершения трудовых отно-
шений, а также введение средневропейских соци-
альных стандартов (например, оплаты труда, пенси-
онного обеспечения, уровня жизни). Вместе с тем
эффективное проведение направленной рефлексив-
ной модернизации общества для реализации нового
Сверхпроекта социально-экономического развития
коррелирует с подъемом сознания. Так, переход на
новые модели жизнедеятельности и развития куль-
турно-цивилизационного мира требует содержа-
тельного изменения общественной психологии и
идеологии, подкрепленного в сфере рационально-
интеллектуальной и художественно-образной куль-
туры, активизации культуры жизнедеятельности,
общественных отношений и управления. А сорезо-
нирование кросс-культурных и специфических для
культурно-цивилизационных миров характеристик
формирует разнообразные общественные плат-
формы саморегулирования социально-экономиче-
ской целостности, вызывая на основе особенностей
социокультурных стилистик нормативы доверия
при отношениях партнерства/кооперации и кон-
куренции/состояния. Интеллектуальная культура
(и одно из ее высших воплощений – культура науч-
ная) – сегодня не просто феномен культуры. Именно
реализация и развитие научно-интеллектуального
потенциала становится по мере роста объема и зна-
чения информационного обмена мощнейшим фак-
тором жизни общества, партнерства и конкуренции
культурно-цивилизационных миров.

Смыслы жизнедеятельности: человеческой и
культурно-цивилизационных миров не только опре-
деляют направленность, темпы, формы и очеред-
ность эндогенных трансформаций их конкретных
характеристик, но и сами проявляют себя как сто-
рона ценностного восприятия окружающего мира.
Целенаправленное влияние на состояние общества
предполагает особое внимание к уровням хозяй-
ственного механизма (как более подвижной и акту-
альной части экономики), его материально-техни-
ческого оснащения, производительных сил и сферы
идеального. При этом духовные отношения, сфера
нравственности и морали – не «надстройка», а стержень
экономики. Доверие – необходимый элемент
здорового общественного механизма. Не только
«сон разума рождает чудовищ»; еще более опасные
химеры могут инициироваться аморальным интел-
лектом. В истории есть смыслы гораздо более глу-
бокие и абсолютные, нежели простой баланс эгои-
стических интересов и рациональное столкновение
сил. В ней (в том числе, в ее экономической состав-
ляющей) осуществляется нравственное содержа-
ние, формируемое тысячелетиями взаимодействия
и кооперации. За использование же отрицательной

моральной силы для реализации своего Сверхпро-
екта, за насилие над моралью и человечностью
всегда следует расплата. И повсюду обязательно,
хоть воздается не всегда виновному, чаще история
«бьет по площадям». Ценностно-смысловые ком-
плексы культурно-цивилизационных миров, спа-
янные моралью и традициями, обеспечивают сосу-
ществование, партнерство и развитие людей (в том
числе, в хозяйственной сфере). Напротив, контртра-
диционная (то есть рассудочно сконструированная)
система морали на деле становится возвратом к тех-
нотронному варварству с господством права силь-
ного, апологией инстинктов и расчеловечиванием
общественной жизни. Для того же, чтобы быть для
членов общества комфортными и мотивирующими,
социальный климат и государственная система
должны восприниматься как справедливые.

Более того, попытки поиска обоснования возмож-
ного отката в развитии прав человека и гражданина –
кардинальная угроза не только для узко экономиче-
ского, но и для общесоциального развития личности
и общества. Сегодня уровень реализации прав чело-
века, качество его жизни, возможности творческой
самодетельности и самовыражения – принципиаль-
ные завоевания социального прогресса, его неотъ-
емлемые черты. И в социальном плане каждый дол-
жен быть готов к непрерывному процессу перемен,
предусматривающему сосуществование, перекре-
щивание и сорезонирование самых разнообразных
тенденций развития, среди которых уже ни одна не
может претендовать на исключительное значение,
которое позволяло бы без ущерба абстрагироваться
от прочих. Вместе с тем процесс социогенеза пере-
носил исторические акценты от модели социально-
экономической системы, формирующей националь-
ные государства, к социокультурной целостности,
тяготеющей к децентрализованному объединению.
Соответствующим образом трансформируется и
историческая продуктивность социальных образова-
ний, меняется эффективность признаков открытых
и закрытых образований. С одной стороны, повы-
шение емкости внутреннего рынка, подъем эконо-
мики спроса, связанный с ними рост благосостояния
населения и улучшение демографической ситуации –
необходимость устойчивой жизнедеятельности и раз-
вития культурно-цивилизационного мира. С другой
стороны, укрепление социокультурного основания
экономического прогресса, базирующееся на особен-
ностях коллективного бессознательного и воплощен-
ное в базовых ценностно-смысловых комплексах,
социальном наследии, народном опыте, обеспечи-
вает долговременные позитивные тренды в хозяй-
ствовании. При этом переход к логике постмодерна,
к логике свободы является и отказом от признания
единственно оптимальным любого базиса развития,
любой методологии в пользу разнообразия подхо-
дов и гуманистических измерений прогресса [29–32].
Соответственно, представления об обществе и госу-

дарстве общего процветания (благополучия) сегодня связываются, скорее, с ценностно-смысловыми комплексами не праздности и потребительства, а созидания и творческого поиска. Это ориентирует не на скопление разнообразных общественных иждивенцев и их услуги, а на активную поддержку творчества (прежде всего, интеллектуального и духовного) с реализацией приоритета жизни и творчества человека, его прав и свобод; социальной справедливости, то есть социального равенства людей в правах и возможностях; солидарности, понимаемой как выражение общности человечества и сочувствия к жертвам несправедливости.

Выводы. Таким образом, именно обеспечение адекватной вызовам истории меры стратегического управления (а вовсе не обладание мощным потенциалом как таковым) является решающим фактором истории, тем более проведения рефлексивной модернизации в условиях усиления черт постиндустриализма, постглобальности и в целом постсовременности. В этих условиях требуется уточнить политико-экономический вектор преобразований: будут ли они подчинены задачам наиболее полного удовлетворения частного эгоистического интереса или же (в том числе, и с его активным использованием) окажутся направленными на решение гораздо более кардинальных задач общественной безопасности и развития.

Фиксируемые нравственно-этическими основаниями поведенческой экономики параметры формируют взаимное доверие контрагентов, а для продуктивности интеллектуально-инновационного хозяйствования необходимо культивирование общественной среды, поддерживающей чувства самооценности, собственного достоинства и профессиональной гордости, уверенность в завтрашнем дне, интерес к существу труда-творчества, жажду самосовершенствования.

Для этого необходима устойчивость однозначно позитивных динамик в социально-демографиче-

ской, политико-экономической и производственно-эргономической сферах общественной жизни, начиная от длительности и качества жизни, минимизации безработицы, повышения социальных гарантий, действенности и всеобщности действия принципа верховенства права и заканчивая охраной труда и резким преобладанием инвестиций в предприятия передовых технологических укладов.

Экология личности предполагает постоянный гражданский выбор в пользу творчества как проявления сугубо индивидуальной комбинации дарований в общественно предоставляемой форме. Длительная эпоха приоритета гонки за уровнем удовлетворения растущих материальных потребностей на базе расходования простого труда зримо выявила свои пределы, связанные с неравномерностью концентрации возможностей и угрозами не только экологии человека, но и всей планетарной экосистеме. И если ранее зачастую на первый план выходила связь аморальности с расширением диапазона выбора, принося успех отсутствию нравственного ригоризма, то теперь этическая неразборчивость граничит с фатальной опасностью для ойкумены. Именно нравственные стержни через традиции, устои, обычаи создают и оберегают как общество и его экономику, так и жизнь с творчеством человека, нуждаясь не только в защите, но и в дальнейшем формообразовании. Соответственно, вопрос распространения социально ответственного поведения приобретает кардинальное значение. При этом аккультурация/социализация формирует две альтернативные стратегии: борьбы либо за свою цивилизацию, либо за себя (с присоединением к ценностям наиболее успешной в данный период истории).

На наш взгляд, повышение эффективности научного освоения данной тематики связано с первоочередным анализом социально-демографических и структурно-инвестиционных аспектов трудового потенциала и производственных отношений.

Список литературы:

1. Конституція України : прийнята 28 червня 1996 р. – К. : Преса України, 1997. – 80 с.
2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_015.
3. Полякова Н. От трудового общества к информационному / Н. Полякова. – М. : Наука, 1990. – 132 с.
4. Шедяков В. Можливості рефлексивної модернізації: роль соціальної організації людського капіталу в запобіганні ризиків розвитку / В. Шедяков // Політологічний вісник : зб. наук. праць на замовлення Політологічного центру при КНУ ім. Тараса Шевченка. – Вип. 60. – 2012. – С. 260–271.
5. Шедяков В. Взаимосвязь фундаментального и актуального уровней в осуществлении устойчивого социально-экономического развития / В. Шедяков // Развитие экономики Украины: трансформации та інновації / за заг. ред. О. Гальцової : у 2 т. – Запоріжжя : Видавничий дім «Гельветика», 2017. – Т. 2. – С. 34–48.
6. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity / U. Beck (University of Munich, Germany). – L. : Sage Publications, 1992. – 260 p.
7. Луман Н. Понятие риска / Н. Луман // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 127–159.
8. Шедяков В. Парадигмальний перехід в теорії і на практиці: стратегічний дизайн форсированих трансформацій / В. Шедяков // Науковий вісник Херсонського державного ун-ту. Сер.: Економічні науки. – 2017. – Вип. 23. – Ч. 1. – С. 54–58.
9. Шедяков В. Стан людського капіталу та вирішення завдань розвитку країни / В. Шедяков // Політологічний вісник : зб. наук. праць на замовлення Політологічного центру при КНУ ім. Тараса Шевченка. – Вип. 58. – 2011. – С. 102–113.

10. Шедяков В. Человеческий фактор: раскрытие и развитие творческой активности в формах отчуждения / В. Шедяков // Нова парадигма. – 2014. – Вип. 120. – С. 96–113.
11. Шедяков В. Человеческий фактор трансформаций и трансформации человеческого фактора / В. Шедяков // Трансформационные процессы национальной экономики: проблемы и перспективы развития : сб. науч. ст. – 2014. – Ч. 2. – С. 204–214.
12. Hayek F.A. The Fatal Conceit. The Errors of Socialism / F.A. Hayek ; ed by W.W. Bartley, III. 1988. – 194 p.
13. Поппер К. Нищета историцизма / К. Поппер. – М. : Прогресс, 1993. – 187 с.
14. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.
15. Шедяков В. Постглобализм как социально-экономическое явление / В. Шедяков // Рухес. – 2016. – № 4 (3). – С. 104–114.
16. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order / [U. Beck, A. Giddens, S. Lash]. – Stanford, CA : Stanford University Press, 1994. – 233 p.
17. Отчуждение труда: история и современность / [Я. Кузьминов, Э. Набиуллина, В. Радаев, Т. Субботина]. – М. : Экономика, 1989. – 287 с.
18. Лепа Р. Рефлексия принятия решений в экономике / Р. Лепа // Вестник УрФУ. Сер.: Экономика и управление. – 2014. – № 3. – С. 4–12.
19. Леонтьев Д. Рефлексия «Хорошая» и «Дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике / Д. Леонтьев, Е. Осин // Психология. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 110–135.
20. Шедяков В. Культурно-цивилизационные миры и проведение новой модернизации: демифологизация проблемы / В. Шедяков // ВУЗ. XXI век. – 2012. – № 1. – С. 46–66.
21. Шедяков В. Возможности рефлексивной модернизации социальной организации трудовых отношений в Украине / В. Шедяков // Соціальна психологія. – 2009. – № 6 (38). – С. 69–78.
22. Суименко Е. Homo economicus современной Украины. Поведенческий аспект / Е. Суименко, Т. Ефременко. – К. : Институт социологии НАНУ, 2004. – 244 с.
23. Китов А. Экономическая психология / А. Китов. – М. : Экономика. – 1987. – 303 с.
24. Экономическая психология // Психология / под ред. В. Дружинина. – СПб. : Питер, 2000. – 672 с.
25. Экономическая психология: социокультурный подход / под ред. И. Андреевой. – СПб. : Питер, 2000 – 511 с.
26. Бобух И. Поведінкова економіка та сталий розвиток: ключові аспекти взаємозв'язку / И. Бобух // Економіст. – 2016. – № 6. – С. 4–8.
27. Шедяков В. Рефлексивная постсовременная модернизация и рефлексия постсовременной модернизации / В. Шедяков // ВУЗ. XXI век. – 2012. – № 2. – С. 50–73.
28. Шедяков В. Промислові відносини та трудова поведінка людини: тенденції змін і можливості соціального управління / В. Шедяков // Політологічний вісник. – 2012. – Вип. 61. – С. 132–143.
29. Фролов И. О человеке и гуманизме: Работы разных лет / И. Фролов. – М. : Политиздат, 1989. – 559 с.
30. Шедяков В. Гуманизм как приоритет социально ответственного поведения / В. Шедяков // Actual questions and problems of development of social sciences: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Current issues and problems of social sciences”. – Kielce, Republic of Poland, June 28–30, 2016. – P. 89–92.
31. Шедяков В. Создание привлекательных условий жизни и благоприятных для творчества предпосылок – цель и условие долгосрочного эндогенного социально-экономического развития при формировании «умного общества» / В. Шедяков // The Development of International Competitiveness: State, Region, Enterprise: Proceedings of the International Scientific Conference. – Lisbon, Portugal, December 16th, 2016. – Part II. – P. 34–36.
32. Шедяков В. Возможности оптимізації розвитку та використання людського чинника в національній моделі політичної модернізації країни / В. Шедяков // Політологічний вісник. – 2012. – Вип. 62. – С. 111–123.